

На голубом глазу

Веч. Москва. — 1999 — 13 окт. — с. 3

У каждого телевизионного политобозревателя свой, как теперь принято говорить, имидж, свои манера, логика и аргументация чужих интересов. И это естественно, ибо кто платит деньги, тот и заказывает музыку. Однако это не означает, что политобозреватель, телеведущий, журналист — просто наемные работники, лишённые убеждений и взглядов. В психологии существует такое понятие «тропность», то есть некое родство душ, схожесть мыслей, желаний, суждений. Поэтому сплошь и рядом не хозяин ищет исполнителя, а исполнитель сам приходит к конкретному хозяину телеканала, журнала, газеты и не просто выражает идеи хозяина, а вместе с ним, под его патронатом и при его финансовой поддержке реализует себя. Посмотрим, как это делают ведущие политобозреватели телевидения.

Михаил ВИНОГРАДОВ

Первый в ряду политиков — Николай Сванидзе. И по давности работы на телевидении, и, наверное, по возрасту, хотя «лицам кавказской национальности» ранняя седина и барская солидность присущи как национальная особенность. И, конечно, по старосоветской манере.

Сванидзе по-партийному сдержан и строг, по-чиновничьи подтянут, интеллигентен. Его речь, несмотря на легкий кавказский акцент, безукоризненна.

На свои передачи Сванидзе приглашает только нужных в данный политический момент официальных лиц. Генералов, министров, «правильных» политиков и общественных деятелей. Беседу начинает с подчеркнутым уважением к собеседнику, к его должности и званию, я бы даже сказал, с почтением. Никогда не позволяет себе, как другие обозреватели, перебить приглашенного. Лишь изредка вставляет отдельные фразы и почти всегда точно в том русле беседы, в котором его

приглашенный вещает нам, телезрителям. Наклоном головы, осторожным движением руки, взглядом расставляет для телезрителей акценты. При этом точки зрения его и приглашенного чиновника или специалиста всегда удивительным образом совпадают. Не только одна с другой, но и с точкой зрения Кремля. Сванидзе никогда не позволяет себе резких или, упаси боже, грубых выпадов в адрес политических противников. Кстат, и выступающие в его программе тоже корректны. Они просто излагают свои позиции как единственно верные и так продвигают их в сознание телезрителей, что противоположные взгляды кажутся человеку, не искушенному в политических хитросплетениях, абсурдными либо даже преступными.

Так уж воспитан советский зритель, что не смеет возражать против официальной логики. Срабатывает старый рефлекс. В самом деле: как можно сомневаться, к примеру, в правильности позиции руководителей Генерального штаба? Уж где-где, а в Генштабе о Чечне должны знать все, и о положе-

нии в войсках — тоже все и так же безусловно. Поэтому Сванидзе только и остается как, завершая передачу, сделать реверанс перед высоким представителем. Именно этот реверанс, этот последний штрих и оседает в памяти зрителя, в глубинах его сознания, постепенно перемещаясь в область уже подсознательного, а точнее бессознательного, доверия. К государственной власти, Кремлю.

Собственно, Сванидзе выражает и отстаивает интересы официальной власти. Его патронирует Кремль. И хотя в самом Кремле ничего старосоветского давно не осталось, а приемы и методы продвижения официальных и неофициальных идей далеки от интел-

лии хозяев телеканала. Но так легко и непринужденно строит беседу, что даже полярные высказывания оппонентов и прямых противников незаметно для них самих льют воду на мельницу Киселева.

Евгений Киселев, как и Сванидзе, сдержан, предупредителен, корректен. Но если у Николая основа этих добродетелей — старосоветская почти-тельность к должностям и званиям, то у Евгения Алексеевича — некое подобие профессиональной вежливости следователя госбезопасности. Глядя, как Киселев ведет беседу, я невольно вспоминаю анекдот советских времен. Маршал принимает парад и говорит колонне военнослужащих: «Здравствуй-

Евгений Киселев внедряет свои идеи с особенной мягкостью

лигентности и безупречности, Сванидзе «держит марку». И по тому, что самого Сванидзе так долго держат в эфире, можно сделать вывод, что именно такой политобозреватель и устраивает хозяев.

В противоположность Сванидзе другой политик Евгений Киселев по внешнему виду, манерам, построению передач — типичный западник.

Сторонники и пропагандисты европейской культуры на Руси появились очень давно. Первым западником, известным еще во времена Ивана Грозного, был князь Курбский. Потом эстафету приняли Морозов, Голицын, а Петр Первый придал этому продвижению государственное значение.

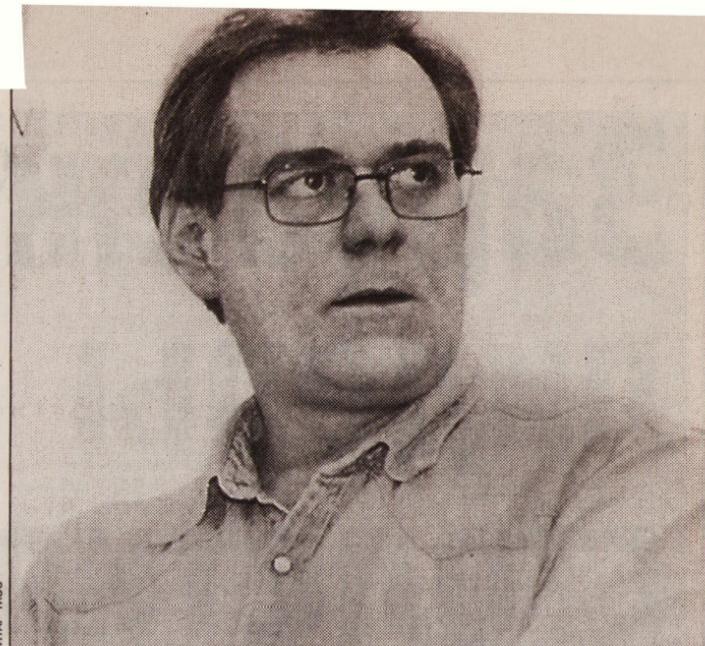
Сторонник западных тенденций, Евгений Киселев демонстрирует нам соответствующий образец ведения передач. Он модно одет, предупредительно наклоняет голову навстречу собеседнику, располагая того к открытости, говорит раздумчиво, вопросы ставит вкрадчиво, но очень точно держит собеседника в нужном ему, Киселеву, русле беседы. Не боится в одну передачу приглашать к экрану людей, взгляды которых могут быть противоположны, в том числе и пози-

руйте, товарищи танкисты!» — «Здравья желаем, товарищ маршал». Обращается к следующей колонне: «Здравствуй, товарищ чекист!» — «Здравствуй, товарищ чекист!» — «Здравствуй, здравствуй!» или еще «слушаю вас внимательно» — основная особенность передач Евгения Киселева. Исподволь, мягко и вкрадчиво он внедряет в сознание телезрителей правоту идей своих заказчиков и, возможно, собственных взглядов тоже.

Киселев хорошо осведомлен в самых различных проблемах, имеет прекрасную память и легко оперирует порой совершенно новыми для него понятиями. Он гибок и дипломатичен. И, очевидно, эта мягкая твердость, вежливая настойчивость и делают программу Киселева столь необходимой для его заказчиков, интересной для его телеаудитории, привлекающей все новых и новых зрителей.

Сергей Доренко резко отличается от своих коллег. Хотя, наверное, Сванидзе с Киселевым при слове «коллега» применительно к Доренко внутренне, а возможно, и не только внутренне содрогнутся.

Да и у меня не поворачивается язык назвать Доренко политиком — как

Прокурор, следователь, оперработчик — в одном лице

двух предыдущих политобозревателей. Во-первых, до этого титула он не дотягивает по уровню личности. Во-вторых, для кита он невероятно агрессивен. Однако его нельзя назвать и акулой — мелковат! А вот термин «политщучка» соответствует и хищной манере, и уровню личности Доренко. Нечто зубастое, неразборчивое, скользкое.

Какое-то время тому назад интеллигентная, думающая часть российской телеаудитории вздохнула с явным облегчением: этот господин ушел с экрана. Вместе с ним, казалось, навсегда исчезли прокурорский тон, брутальная манера речи, вульгаризмы, режущие слух даже привычной к крепким выражениям русской аудитории.

Но облегчение было недолгим. Обновленный Доренко явил миру очки, строгость во взгляде, бескомпромиссность в суждениях. Ему и раньше было свойственно эдакое обвинительное поведение. Но сейчас он расширил диапазон. Перед нами предстают прокурор, следователь и оперработчик в одном лице. Хотя по уровню — скорее просто малограмотный полицейский дознаватель. Но самому Доренко роль прокурора явно нравится больше всего. Он любит себя. Он вколачивает нам в голову свои слова, как гвозди. Навечно, навсегда. Так он полагает.

Однако сегодня Доренко не просто обвиняет. Он ведет роковую атаку на одного-единственного человека. На мэра Москвы. Все другие персоны и события отошли от Доренко на второй план.

В одной из газет Доренко и его разномастных помощников назвали инфоркиллерами. Не могу согласиться с этим. Даже для нашего беспрдельного времени Доренко столь высокого звания не заслужил. Его уровень — роль кухонной склочника из старой коммунальной квартиры. Не располагая реальными фактами, Доренко пытается воздействовать на зрителя разжиганием низменных чувств, примитивной, но всегда действенной подтасовкой.

Судите сами. Кто такой Андрей Батуринов? Молодой коммерсант, однофамилец жены мэра. Возьмите справочную дискету с «Горбушки» и вы узнаете, что в Москве около сорока Батуриновых. Что же, все — родственники Елены Батуриной? Думаю, что о ее существовании они узнали только благодаря СМИ.

Факт, что Андрей Батуринов взял крупный кредит под строительство дома, получал крупные денежные пере-

воды. Дом построен? Кредит возвращен? Или за Батуриным бегают прокуратура? Не бегают. И полиция не бегают — налоги уплачены. Так на чем же играет Доренко? На зависти. «Вы когда-нибудь держали в руках такие деньги? — грозно и трагически, с металлом и одновременно со слезой в голосе вопрошает Доренко телеаудиторию. — А помните, — еще строже взывает он, — как Сбербанк индексировал ваши кровные?»

После столь грозных и трагических вопросов нам показывают старую записку с Лужковым. Доренко рассчитывает, что зависть и обида за давно потерянные деньги в памяти зрителя соединятся с образом Юрия Михайловича и будущий избиратель скажет: «Вот, оказывается, кто виновник наших бед». Какое имеет значение, что Лужков не президент, не премьер тех лет и даже не владелец Сбербанка? Зависть-то в душе у телезрителей осталась. К Батурину Андрею. И к Елене полутно. Но не к Доренко, получающему зарплату, какую ни телезрители, ни сам Андрей Батуринов в руках не держали и в глаза не видели. А слухок пущен.

Но Доренко, оказывается, может быть достаточно деликатен и даже подобоострастен. Вспомните, как осторожно и даже вкрадчиво велась беседа с директором немецкого филиала «Мабетекс». Как преданно Доренко заглядывал в глаза немецкому строителю, как всем своим полусогнутым видом подсказывал нужный ответ. «Ишь, Батуринов-то и пистолет немцу показывал, и на машине с мигалками приезжал. Все Лужков виноват, что же еще?»

Но крутым обвинителем и подобоострастным искателем немецкого правды Доренко оказывается только на телеэкране. Его наглость — это обратная и показная сторона его трусливой натуры. Налицо подсознательное, хотя и хорошо оплаченное, вытеснение страха. Вспомните, как трусливо бежал он от коллег-тележурналистов, которые хотели получить ответы на некоторые вопросы. Как ловко он прятал свое испуганное лицо, как гулей взлетел по лестнице, демонстрируя телезрителям свою кожаную спину. Это и есть настоящий Доренко.

А может, он того — психически нездоров? Нет. Татьяна Дмитриева, директор Института психиатрии, весьма ответственно поставила ему диагноз: «абсолютно здоровый негодяй». И я с ней полностью согласен.

Лицо Кремля может быть и таким